

УСАДЕБНЫЙ ТОПОС В РАССКАЗЕ «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» В. М. ДОРОШЕВИЧА

В. Г. Андреева (Москва)

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
lanfra87@mail.ru

В статье анализируется рассказ В. М. Дорошевича «Дворянское гнездо», рассматривается отношение автора к усадебной жизни, положению социальных классов. Делаются наблюдения за манерой Дорошевича, изображением им исторической ситуации, осмысляется общее негативное видение писателем прежних форм жизни, требующих изменения и совершенствования.

Ключевые слова: В. М. Дорошевич; усадебный тоpos; усадьба; дворяне; народ; историзм; конфликт

MANOR TOPOS IN THE STORY «THE NOBLE NEST» BY V. M. DOROSHEVICH

V. G. Andreeva

The article analyzes the story of V. M. Doroshevich “The Nest of Nobles”, examines the author’s attitude to estate life, the position of social classes. Observations are made on Doroshevich’s manner, his depiction of the historical situation, the general negative vision of the writer of the former forms of life that require change and improvement is comprehended.

Keywords: V. M. Doroshevich; manor topos; manor; nobles; people; historicism; conflict

Писатель, фельетонист, публицист и редактор Влас Михайлович Дорошевич (1865–1922) сейчас вспоминается достаточно редко, его обширное наследие ожидает исследователей. Между тем, на рубеже XIX и XX вв., в начале XX в. Дорошевич был известен в литературных кругах. Популярность и признание пришли к Дорошевичу постепенно: благодаря литературной деятельности, работе редактором в газете «Русское слово», которую он смог превратить в одно из самых известных и читаемых изданий.

Финансирование: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

В данной статье мы обратимся к знаковому рассказу Дорошевича «Дворянское гнездо», проанализируем специфику освещения писателем усадебного топоса, особенности иронического представления им различных социальных слоев, стремление автора не просто представить копию и снимок происходящего в России, но отразить русскую действительность начала XX в. в ее типических чертах и формах.

Жизнь Дорошевича была непростой: не оказалось в ней ни счастливого детства, ни мечтательной юности – детство стало «украденным», а юность полной забот. Мать Дорошевича, писательница А. И. Соколова, убегая за границу, оставила ребенка, которого усыновил коллежский секретарь М. И. Дорошевич. Через десять лет, по приезде в Россию, Соколова добилась возвращения сына. Дорошевич рано начал самостоятельную жизнь. Испытав влияние матери, писавшей под псевдонимом Синее Домино остроумные фельетоны, он с 1880-х гг. начал сотрудничать в различных юмористических изданиях, позднее стал ведущим публицистических рубрик в московских газетах «Новости дня» и «Московский листок», в 1893 г. Дорошевич стал фельетонистом «Одесского листка». Внимание широкого круга читателей заслужили очерки Дорошевича, написанные по результатам заграничных поездок, а его яркая и правдивая книга «Сахалин (Каторга)» была запрещена и изъята из продажи. Побывал Дорошевич и на Востоке, восточная тема звучит во многих его произведениях. Дорошевич был неплохо знаком с А. П. Чеховым, который ценил и уважал писателя, о нем несколько раз писал Л. Н. Толстой, и, конечно, сам Дорошевич не мог не переосмысливать наследие русской классики. Ю. П. Надехина отмечает значительную роль Дорошевича в становлении и развитии отечественной литературы и публицистики: «Он был талантливым и многогранным человеком. Ему удалось оставить след во многих направлениях журналистики. Дорошевич запустил уникальный стиль фельетона с использованием короткой строки; первым в стране поставил выпуск газеты на европейский манер. Его творчество громом прокатилось по России, будоража умы и пробуждая сознание многих людей, оно отвечало общественно-политическим запросам своего времени, запало в душу многим читателям, и было доступным для большинства из них» [Надехина, 2021, с. 278].

Однако к наследию Дорошевича, его стилю и манере современные ему критики и писатели относились по-разному. А. В. Амфитеатров писал, что считал Дорошевича одним из самых близких людей, искренне любил его, признавал его заслуги и видел в нем не только редактора, но и писателя [Амфитеатров]. А К. И. Чуковский, к примеру, резко разводил по разные стороны творчество классиков русской литературы и Дорошевича, считая первых авторами, которые задавали высокие требования к людям и жиз-

ни, а последнего только удобным и занятым писателем нравов: «А Влас Дорошевич – милейший, приятнейший, удобнейший – разве он требует от вас чего? Много ли требует от вас кодак? Много ли нужно от вас фонографу? Нажали кнопку, и готово! Читайте Дорошевича на койке, в бане, между котлеткой и кофе, – и это не помешает ни вашим делам, ни вашему аппетиту» [Чуковский, 1906].

Сложно в данном случае согласиться с К. И. Чуковским. Легкость восприятия произведений Дорошевича не исключает наличия серьезных и глубинных смыслов. С. И. Чуприн точно отметил, что небольшие, но очень меткие зарисовки Дорошевича явились прекрасным материалом для историков: «Дорошевичу казалось иной раз, что он описывает прихотливые узоры и случайные комбинации цветов и линий внутри социального калейдоскопа. На самом же деле, как это ясно теперь, он писал поступательный ход истории, по-писательски, а не по-журналистски отражая и исследуя реальность (в том числе и реальность интеллигентских иллюзий) в ее существенных, типических чертах и формах» [Чуприн, 1986, с. 14]. Пожалуй, Дорошевича в этом отношении можно сравнить с П. Д. Боборыкиным: и многочисленные, не сосчитанные до сей поры небольшие произведения Дорошевича, и объемные романы Боборыкина стали отличным материалом для исторического подтверждения тех или иных особенностей жизни русских людей рубежа веков и начала XX в.

Рассказ «Дворянское гнездо», вошедший в собрание сочинений писателя, во второй том, вышедший в 1905 году, сразу же ориентирует читателя на одноименный роман И. С. Тургенева, однако по мере чтения произведения Дорошевича, становится понятно, что оно является полностью высоким смыслом романа Тургенева, прославляющего русские дворянские семьи, высокую аристократическую культуру и образованность, усадьбную жизнь, мысль о чести и совести как основе любого поступка человека.

Небольшой рассказ Дорошевича посвящен теме летнего отдыха горожан, в начале XX в. особенно часто снимавших старинные загородные дворянские усадьбы или их части. За юмористическим и ироническим описанием пребывания мещан в усадьбе и вздорного поведения хозяйки скрывается настоящая драма и даже трагедия жизни начала XX в., приведшая к русской революции с ее худшими кровавыми последствиями и жестокостью.

Сюжет рассказа очень прост: семья горожан из трех человек (родители и их сын) находят в газетном объявлении информацию о сдающейся усадьбе, снимают ее на лето, приезжают в чудесные места, которые день ото дня все более омрачаются поведением хозяйки имения, оставшейся жить там же в двух комнатах. Обостренное самолюбие и чувство

необоснованной сословной гордости хозяйки, веками установленная ею связь с мужиками, постепенно всё более ярко проявляющаяся ненависть к приезжим приводят к непоправимому и всё разрастающемуся конфликту, в котором оказываются только потерпевшие стороны. Сам писатель открыто не показывает свою позицию, но понятно, что Дорошевич обличает установившийся порядок – все поведенческие характеристики персонажей открывают их слабости и недостатки.

Эпиграфом к рассказу является объявление из газеты, состоящее из множества номинативных предложений, описывающих преимущества предложения – сдачи в аренду на лето барской усадьбы, которая предстает на первый взгляд местом изобилия, «полной чашей» – такое определение даст усадьбе сама хозяйка.

Рассказ начинается с планов главного героя и его семьи, решающих не ехать на дачу, а предпочесть ей усадьбу и деревенскую тишину. В начале повествования Дорошевич показывает, какое действие чтение газет оказывает на неискушенных людей: хозяин, его супруга и даже маленький сын начинают буквально бредить: «Все в доме читают объявления. Объявления даже во сне снятся. Жена сегодня ночью вскочила, глаза дикие: “Муж, – говорит, – лакей, жена прачка. Каков ужас!” И легла. У Коки жарок сделался. Бредит “Мама! – кричит. – Мама! Горничная под няней ищет место!” Мне самому 22 чистых кухарки снились» [Дорошевич, 1905]. Это рассуждение о газетах показывает отношение автора (которого современники обвиняли в излишней приверженности к газетным жанрам) к ежедневной информационной прессе, имеющей исключительно рекламно-новостной характер. С. В. Букчин отмечал несправедливость утверждения литераторов рубежа веков о том, что «Дорошевич пожертвовал своим писательским даром во имя актуально-газетного», исследователь показал, что «он как раз стал писателем, только очень непохожим на других», а суть его манеры, природы его творчества заключалась в «синтезе публицистики и художественности», «когда “большая журналистика”, соединяясь с “большой литературой”, становится явлением искусства» [Букчин, 1975].

Герои находят объявление о сдаче усадьбы и после недолгих переговоров снимают целый загородный дом, к которому примыкают все полагающиеся атрибуты и составляющие усадебной жизни: хозяйственные постройки, сад, огород, скотные и конюшни, рощи и т. д.

Изначально хозяйка усадьбы видится герою как «чрезвычайно приятная личность», которая в первый раз сдает усадьбу из-за крайней нужды: «И не сдала бы, – говорит, – да деньги нужны. Тридцать лет за мужа, за покойника, долги плачу, – никак всех заплатить не могу!» [Дорошевич, 1905]. Герой оправдывает дворянку с благородным лицом, представляя ее мужа «запихову», однако ни о какой нормальной семье в данном случае

не может идти речи. Перед нами случайное семейство, в котором за всю совместную жизнь жена видела мужа только шесть раз.

По мере освоения новых жильцов в усадьбе их жизнь начинает сопровождаться все новыми и новыми сложностями, а через некоторое время превращается в выживание. Причем процесс постепенного изгнания из усадьбы организуется вдовой, но осуществляется не только ею, но и всеми жильцами, а еще больше – самим усадебным топосом. Рыдания вдовы переходят сначала в извинения, после – в запугивания и угрозы, в которых немалую роль играет нездоровая обстановка в имении. Читатель рассказа понимает, что перед ним не «дворянское гнездо», а дом, в котором из века в век нарушались все нравственные нормы, попирались человеческие ценности и, по сути дела, жизни окружающих.

Сначала вдова бесцеремонно рассказывает постояльцам, кто из ее предков скончался в том или ином месте дома, отбивая у них всякое желание радоваться окружающей обстановке. Несмотря на то, что вдова сама и по доброй воле сдала имение, получила деньги от постояльцев за всё лето, она чувствует себя уязвленной и оскорбленной вторжением: «Как-ково это, – говорит, – их косточкам: на тех стульях, где они помирали, чужие люди сидят! Встала бы из гроба бабынька Анфиса Львовна, посмотрела бы!..» [Дорошевич, 1905]. Так, дом «полная чаша» превращается в «гнездо покойников», «притон покойнический», «рассадник покойников».

Очень примечательно, что в рассказах вдовы о роде и предках то и дело появляется мотив сквернословия. «Ругался так, что ужас. Разве мне приятно?» – говорит вдова про мужа-покойника [Дорошевич, 1905]. «Ругатель покойник был при жизни, других слов у него не было», – вспоминает вдова про дедушку Анемподиста Григорьевича, который не успокаивается и после смерти и как призрак расхаживает по дому. Перед нами яркий пример мотива осквернения дома, усадьбы, широко используемый М. Е. Салтыковым-Щедриным в романе «Господа Головлевы».

По мере разрастания конфликта и усиления стойкости жильцов, которые опрометчиво обходят сложности, прячутся от них, в борьбу вступают и крестьяне, живущие в усадьбе. Появление внешней угрозы в виде постояльцев побуждает крестьян забыть все обиды барыни, признать в ней барыню «прирожденную» и встать на ее сторону. Между прочим, отношение к народу лучше всего характеризует уходящее в прошлое дворянское семейство: «Вон рощица-то. Кудрявая рощица. В ней девка Палашка, да кучер Селифан, да Кузьма-косоглазый, повар, при дедушке повесились. Крутой был старик. На конюшне-то, что вот полевей от дома, на смерть людей засекали. Ну, люди – народ балованный. Сейчас манеру и взяли: как что не так, не по-ихнему, сейчас в рощу и вешаться. Много перевеша-

лось. Их так, чтоб следствия не было, в огороде и зарывали, – вот где ранняя-то клубника, что вам к столу подадут, растёт!» [Дорошевич, 1905].

Дорошевич показывает поистине страшную обстановку, складывающуюся в имении. Выживание постояльцев производится уже самим народом, причем методично и жестоко. Крестьянский мир описан автором как дикий, необузданный, не имеющий святого и готовый к любым разрушительным действиям: «Вчера был престольный праздник, – и мы сидели по этому случаю под кроватью. Вокруг дома стояли мужики и говорили: “Выходите! Мы вас убьём!”. Мы не вышли. Мужики были пьяны и хотели поджечь дом» [Дорошевич, 1905].

Картины жизни в усадьбе рубежа веков, описанные Дорошевичем, отражают истинное положение дел в России, состояние большинства промотавших состояние, не умеющих вести хозяйство дворян и унижаемого народа. Дорошевич показывает не только серость и забитость народа, услуживающего своей барыне, но и тот факт, что этот народ для барыни ничего не значит. Не случайно Дорошевич обращается к описанию лечения мужиков. Писатель с точностью историка иллюстрирует безысходность жизни крестьян, полное отсутствие медицинской помощи. Современные исследователи-историки, опирающиеся на архивные данные и документы, свидетельствуют о том же: «...положение дел в казенной деревне выгодно отличалось от деревни помещицкой, где медицинской помощи, за редким исключением, вообще не существовало» [Христенко, 2019, с. 200]. И в такой ситуации крестьяне становятся для вдовы и приезжей дамы подопытными, ресурсом для занятия себя: «Господи! Что только делается! Что делается! За человека страшно! Жена мужику ложку касторки, вдова ему две. Вдова – две, жена – четыре. Вчера какой-то мужик на крик кричал, перед крыльцом по земле катался. В усадьбе крики, вопли, стонь» [Дорошевич, 1905]. Не случаен и мотив описания усадьбы судебным приставом – логического и исторически достоверного конца многих имений.

К. И. Чуковский отметил, что «Дорошевич презирает свою публику»: «Ни темы, которых он касается, ни трактовка этих тем – его-то самого не удовлетворяет, и часто, – даже равнодушный к своему сюжету, – он тем не менее достигает весьма ярких эффектов». Также К. И. Чуковский упоминал, что Дорошевич достигает большого влияния на читателей благодаря контрастам [Чуковский, 1906]. Конечно, контрастов в произведениях писателя немало, а в «Дворянском гнезде» наиболее сильным контрастом оказывается не изменение отношения постояльцев к усадьбе, но резкая смена тональности в самом финале рассказа. Выясняется, что отъезд постояльцев не прошел безоблачно и закончился трагедией – гибелью Кокочки: «Мальчишки кидали камни: мне попали в голову два раза, жене три, а Ко-

кочку на смерть: он маленький» [Дорошевич, 1905]. Несмотря на тот факт, что по ходу рассказа мы видим немало угроз и предупреждений, ироническая тональность произведения не способствует их серьезному восприятию. Однако вряд ли можно согласиться с К. И. Чуковским в том, что писатель презирает публику и равнодушен к сюжету. По нашему мнению, критик правильно почувствовал тональность и настроение многих произведений Дорошевича, но неправильно их разъяснил: Дорошевич презирает не публику, но многих изображаемых им героев, равнодушен он не к сюжету, а к тем действиям, которыми руководствуются его отрицательные персонажи. А ведь в рассказе «Дворянское гнездо» мы и не найдем положительных: именно от рук народа погибает Кокочка, а безвольные родители, приехавшие на отдых, но жалеющие деньги, бояться оперативно покинуть то место, где им плохо, не могут уберечь ребенка.

Общий отрицательный взгляд на действительность у Дорошевича нельзя путать с равнодушием писателя, который страстно желал не просто изменений в определенной сфере и подвижек, но видел необходимость основательного переустройства русской жизни, в том числе обновления и изменения усадебной жизни дворян: «Дорошевич знал, что общественное служение – одна из святейших традиций отечественной литературы и публицистики, всей русской интеллигенции... Дорошевич готов был служить – но всему обществу в целом, а не той или иной из составляющих это общество группировок, направлений, партий» [Чуприн, 1986, с. 12].

Ссылки

1. Амфитеатров А. В. Дорошевич // Сегодня. 1934. № 291. 21 октября.
2. Букчин С.В. Судьба фельетониста: Жизнь и творчество В. Дорошевича. Минск: Наука и техника, 1975. 255 с. URL: https://royallib.com/book/bukchin_semen/vlas_doroshevich_sudba_feletonista.html
3. Дорошевич В. М. Дворянское гнездо // Дорошевич В. М. Собр. соч. Том 2. Безвременье. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1905. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Дворянское_гнездо_\(Дорошевич\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Дворянское_гнездо_(Дорошевич))
4. Надехина Ю. П. В. М. Дорошевич в мире московской журналистики рубежа XIX–XX веков // Преподаватель XXI век. 2021. № 1–2. С. 270–280.
5. Чуковский К. И. О Влаसे Дорошевиче // Свобода и жизнь. 1906. № 5/2 (15). URL: http://az.lib.ru/c/chukowskij_k_i/text_1906_o_vlase_dorosheviche.shtml
6. Чуприн С. И. Газетная муза Власа Дорошевича // Дорошевич В. М. Избранные страницы. М.: Моск. рабочий, 1986. С. 5–17.
7. Христенко Д.Н., Красовская Ю.В. Коллективизация и становление системы здравоохранения на селе // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 4(29). С. 200–204.